

Философское направление окказионализм (лат. *occasio* – случай) возникло в Западной Европе в XVII в. В концептуальном отношении оно определилось, опираясь на рационализм Р.Декарта, в философии которого проблема взаимоотношений души и тела решалась дуалистически.

Мир за дверью

Окказионализм стал одной из философских доктрин, интуитивно пытавшихся сохранить гармоничную взаимосвязь между человеком и окружающим его миром, замедлить или предотвратить процесс отчуждения человека от Вселенной, обозначившийся уже через полтора столетия лет философией И.Фихте, проводившей грань между «Я» и «не-Я», отрезавшей человека от среды, обозначившей водораздел между личностью и её окружением, причём окружением любимым – от людей до ландшафтов. Философия Фихте, уподобившись гоголевскому Хоме Бруту, очертила меловой круг, внутри которого отныне жил человек. Но за пределами этого круга поселились монстры, введённые Виём.

Тенденция отчуждения человека от природы в дальнейшем развивалась ускоряющимися темпами. За это отчуждение человечество с каждым десятилетием расплывается всевозрастающими психиатрическими проблемами. Чуждый (отчуждённый) мир оказывается для субъекта всё более враждебным и угрожающим, опасным и непредсказуемым. Выясняется, что покорение природы вовсе не позволяет человеку, например, спастись от землетрясений.

Отчуждённый, изгнанный из психики человека мир оказывается для него всё более страшным, не становясь качественно более понятным. Этот мир отделился, но сделался чужим и посторонним, равнодушным и безжалостным. Он более не связан с человеком никакими договорами, догмами, мифологиями. Прежде человек жил под общей крышей Мира, теперь он поселился в отдельном доме, оставив этот Мир – за дверью. Такой Мир кажется всё более опасным для живущих в нём (рядом с ним) людей. Так было в эпоху неолита, когда гроза и молния, ещё не ставшие частью жизни человека – в виде мифологии – одушевлились им, антропоморфизировались и таким образом делались более свойскими, понятными, предсказуемыми. Их уже можно было пытаться улещивать, задабривать жертвоприношениями, умолять... Нынешний ход событий делает всё более актуальной новую, постиндустриальную антропоморфизацию непонятых до конца сил Вселенной, перед которой человек – в своих эсхатологических ожиданиях конца света – всё более уподобляется паникующему неандертальцу, придумывающему себе языческих богов. Тогда это были боги воды, неба и огня, а теперь это боги цепной реакции и адронного коллайдера. Но и в том и в другом случаях эти боги – олицетворение неконтролируемых и неуправляемых силами человеческого разума потенциалов непредсказуемой природы. Непонятые и необоримые силы Космоса в новой мифологии вновь превращаются в духов, обретая антропоморфные черты домовых, барабашек и пилотов НЛО, что делает их хотя бы немного и, разумеется, иллюзорно, но – более понятными. А с тем, что более-менее понятно, может быть, удастся и как-то договориться...

Круг замыкается

Человек сегодня всё чаще изобретает формы новой антропоморфизации природы, её постмодернистского одушевления, незаметно для себя уходя в сказочные архаичные миры анимизма, тотемизма и шаманизма; снова начиная верить в «сглаз» и «порчу», «чистку кармы» и «зомбирование», книжки Кастанеды и «родовое проклятие»... Не случаен успех книг и фильмов ужасов, на-

ходящих множество поклонников. Знаменательно сопоставление дат появления романа М.Шелли «Франкенштейн» – одной из первых книг этого жанра – и философии Фихте: роман вышел в 1818 г., через 4 года после смерти мыслителя. Согласившись с концепцией «не-Я»-мироздания, человек тут же обнаружил в отчуждённом мире монстров, которых, что символично, сам же и создал.

Человек снова верит в то, во что хочет поверить, ибо акт веры делает его жизнь, во-первых, не бессмысленной; а во-вторых, исполненной надежды, противо-

Формально говоря, синдромом Кандинского – Клерамбо был и окказионализм: мысли и чувства, вложенные в психику человека Богом – по концепции этой философии – могут трактоваться как автоматизмы и псевдогаллюцинации. Но окказионализм предлагал синдром, в котором человеком управляли не враждебные ему демоны, а Бог, что сохраняло цели, смыслы и гуманистическое направление развития всей человеческой истории и культуры. Наука предпочла Богу окказионалистов.

Аналогии синдрома Кандинского – Клерамбо можно встретить

характеристик, которыми, по предположению того или иного культа, обладают эти существа, скрывается в неосознанном желании приблизиться таким образом к природе и высшим силам, получив от них обратную связь. Но человек и сам антропоморфизует природу, наделяя её чертами, которыми обладает, «получая за это» чувство персональной и социальной идентичности, принадлежности к всеобщему мировому процессу, дающее ощущение безопасности: коль скоро я – часть всего, то я бессмертен и мне ничто не угрожает.

его соплеменников спасительным средством, предохраняющим от вредоносных влияний и угроз среды. Так выглядит мерячье, распространённое прежде в Восточной Сибири, когда движения и реплики камлающего шамана начинают в том же ритме и темпе, с той же вычурной моторикой повторять его зрители – по типу эхопраксий и эхололий. Шаман восстанавливал связь между богами и племенем, воздвигал мост между Мирозданием и субъектом, между целостным и единичным. Он превращал дискретное в континуальное, решая проблему социальной идентичности субъекта, позволив группе объединиться вокруг себя в повторении единого действия, устанавливающего общность отдельных людей. Они, повторяя за шаманом его телодвижения, приобщались к Вечности. По крайней мере, чувствовали они именно это. Высший Дух говорил через шамана, заставляя его совершать деяния, имевшие сакральный характер, обещавшие удачу или протекцию. Эта сакральность становилась общей, если племя повторяло священнодействие своего колдуна.

Человеку, успевшему за несколько столетий привыкнуть к тому, что мир «не-Я» оппозиционно противопоставлен уютному и обжитому миру его индивидуального «Я» (что само по себе делает их не просто отчуждёнными, а и враждебными по отношению друг к другу), вынужденному переселиться в этот «не-Я»-мир («заброшенному в новые обстоятельства»), приходится заново осваивать его, сталкиваясь с воинством Вия. В этом мире, утратившем целостности, уже нет Божественной протекции. Из мира ушли цели, смыслы, стратегия; а вопрос «Во имя чего?» превратился в вопрос: «А на кой?» Но мир в психологии человека не может быть бессмысленным («Иначе какой же я тогда штабс-капитан?!...»), и этот смысл даёт только Бог, который объединяет всё. И «Будто послушник хочет к Господу, / ну а доступ лишь к настоятелю», человеку приходится самому становиться автопосредником совершающим сакральный обряд, восстанавливающий связь между внутренним пространством и внешним окружением. Но, шагнув за пределы очерченного контура, человек начинает слышать «голоса» и испытывать воздействие посторонних сил, став игрушкой антропоморфных существ, созданных его собственной психикой. И он уже не может, подобно шаману, произвольно управлять возникшим расстройством.

В разъятом дискретном мире психоз парадоксальным образом оказывается одним из способов восстановления целостности персонального мироздания, хотя и ценой собственного здоровья. Для того чтобы восстановить целостность мира, возвратив ему смысл, иногда приходится покинуть пределы очерченного Фихте мелового круга. При этом человек вступает на территорию, где языческие антропоморфные существа охотно простирают ему объятия, начиная общаться с ним, ввергая его в синдром Кандинского – Клерамбо. Взаимодействие с этими «высшими силами» позволяет, покинув заданные пределы утилитарной целесообразности современного прагматичного мира, ощутить иллюзорную, но сопричастность к мирозданию, к высшему смыслу бытия. И в этом психозе человек, возможно, оказывается не более одиноким, нежели в том мире, где чёткие границы «не-Я» неотвратимо отчуждают его от всего остального.

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментального здоровья.
Северный государственный
медицинский университет.

Архангельск.

**НА СНИМКЕ: только шаман
мог бороться с духами болезни.**

Философские беседы

Бред как обряд

Сегодня за отчуждение от природы человечество расплачивается проблемами своей психики



Магия шамана

На заре бытия человечество задумалось о душе: её существование объясняло непонятные и непонятые феномены: сновидения, болезни, смерть... Психологически понятным оказывается направление поиска неведомой и невидимой сущности человека. В случае неотчётливой локализации патологии, неспецифической астении, общего недомогания было не ясно, что болит; если целы все части тела и нет видимых повреждений. Душа объясняла это «недоразумение». Сновидения получали трактовку путешествия души, покинувшей тело. Болезни и обмороки объяснялись результатом «влияния» злых духов, непрочной прикреплённостью к телу души, готовой отлететь в случае смерти. Новый Завет рассказывает о стаде свиней, в которых по велению Христа вселились бесы. В русских заговорах фигурируют сестры-лихорадки, имена которых обозначают симптом: Трясуха, Знобуха, Желтуха, Ломуха, Трясовица и пр.

Только шаман, знающий высшие тайны Неба, мог бороться с им материальными духами болезни. Интерпретацию его камлания давали окружающие. Этнографы писали о действиях шамана: «Малокультурный человек, наблюдая симптомы нервного припадка, приходит к заключению, что в колдуна вошёл сверхъестественный дух, который и произносил таинственные слова, заставляя трепетать тело»; «Присутствующие, видя беснования шамана, думают, что им овладели духи, которых он призывает»; «Для дикарского ума нет ничего более естественного, чем приписать экстаз духовным агентам. Конвульсивные жесты и бессвязные выкрики вдохновлённого кажутся признаками того, что его воля отсутствует, а телом его овладело некое существо. Потому считается, что дух или бог говорит его устами, направляя его действия». Шаман отличается от психически больного тем, что произвольно может вступать в связь с духами, вызывая и отпуская их по своей воле. Это выглядит как умение искусственно регулировать приступы психического расстройства. Шаман в глазах племени – посланец божеств, посредник между людьми и Небом, и каждое движение его обладает сакральной целительной силой.

Роль шамана как посвящённого посредника состоит и в том, чтобы, получив некую информацию свыше, сделать её достоянием окружающих, передать её энергетический посыл племени. И здесь важно то, что «сутью первобытной религии является не вера, но действие, и критерием ортодоксальности выступает не согласие с вероучением, а участие в обряде». В данном случае магия шамана становится «заразительной», переходя с него на окружающих. Повторение действий колдуна обращается для

стоящей страху экзистенции. И для того, чтобы «приручить» этот отчуждённый мир, «договориться» с ним, человек пускается на поиски посредника между высшими силами и им самим. Если прежде таким посредником для человека были шаманы, то ныне эта функция практически утрачена, и настоящих шаманов, видимо, не осталось (не считая же ими шарлатанов, чувствующих конъюнктуру и притворяющихся ведьмаками и «волхвами в 16-м поколении»). В силу этих обстоятельств сегодня спасение каждого становится делом его собственных рук (он ведь и от шамана отчуждён). И многие превращаются в своих собственных шаманов, отправляющихся в страшные миры духов – дабы задобрить их, принести им жертву, заручиться их поддержкой... Антропоморфный дух менее страшен, чем бессмысленная неизвестность «не-Я» за дверью.

Замыкается круг: антропоморфизация молний, с которой начиналась духовно-религиозная жизнь обитателей пещер, вновь приводит к заселению мирового пространства мириадами существ, каждое из которых так или иначе относится к человеку, общаясь с ним, вмешиваясь в его жизнь, поступки, мысли и чувства, модифицируя, искажая и преобразуя их. Это – симптоматика синдрома Кандинского – Клерамбо (синдрома психического автоматизма), разновидности галлюцинозно-параноидного синдрома. Для него характерны псевдогаллюцинации, бред воздействия, явления психического автоматизма (чувство отчуждённости, неестественности, «сделанности» собственных движений, поступков и мыслей). Часто синдром проявляется ощущениями «вложения в голову» чужих идей, феноменами открытости (ощущением того, что мысли субъекта известны окружающим), «звучанием собственных мыслей», «похищением» их. Синдром широко распространён в мировой культуре, проявляясь клиническими и параклиническими формами внутри различных этносов.

в разных исторических эпохах. Вавилонский царь Навуходоносор «...жил среди диких зверей, аки вол питался травой, и тело его орошалось росой небесною». Психиатр П.Ковалевский на основании описания поставил Навуходоносору диагноз ликантропия, часто встречающийся и в эпоху Средневековья. Заболевший ощущал себя волком и вёл себя, как волк, нападая на одиноких путников в пустынных местах. Корни ликантропии восходят к древнегреческому мифу о том, как Зевс превратил Ликаона в волка за то, что тот хотел накормить его человеческим мясом. Описания ликантропии встречаются в фольклоре этносов всего мира (Китай, Индия, Африка, Америка: человек превращается в опасного зверя, обитающего в этом регионе, – льва, крокодила, гиену и пр.) В ирландской легенде св. Патрик превратил в волка царя Галлии Венетикуса. Греческий врач Павел Эгинета описывал ликантропию в VII веке, рекомендуя для её лечения кровопускание. Большой ликантропией и его действия описаны в книге Шарля де Костера «Легенда о Тиле Уленшпигеле»: «Бывали случаи, когда хлебопашец ранним утром выходящий работать в поле, обнаруживал волчьи следы, а затем его собака, разрывая лапами землю, откапывала мёртвое тело с опечатавшими волчьих зубов на затылке, за ухом, иногда на ноге, причём непременно сзади, с раздробленными шейными позвонками, с раздробленной костью на ноге». Страх перед зверями, забегавшими даже в крупные города, странно преломлялся в мозгу заболевших. Быть может, психика подкашивалась такой способ защиты: «превратившись» в волка, можно было «не опасаться» нападения стаи... Инверсивная форма психологической защиты – самоидентификация с источником страха и подражание ему – известна психологам.

Причина самоотжествления человека с предшественниками божеств и их посланниками, принимающими разные обличья, отнесение к себе каких-либо